

Б. М. Соколов

Гоголь - этнограф

**Интересы и занятия Н.В. Гоголя
этнографией**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С59

Соколов Б.М.
С59 Гоголь - этнограф: Интересы и занятия Н.В. Гоголя этнографией / Б. М. Соколов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 64 с.

ISBN 978-5-458-06118-6

Гоголь - этнограф : Интересы и занятия Н.В. Гоголя этнографией

ISBN 978-5-458-06118-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Народность въ литературѣ и наукѣ во времена Гоголя.

Гоголь и по рожденію и по воспитанію всецѣло принадлежалъ Малороссіи. Поэтому уже естественно а priori предполагать, что на развитіе въ немъ интереса къ изученію народной жизни повлияли малорусскія общественныя и умственныя движенія. Факты оправдываютъ это.

Сама малорусская изящная литература носила уже въ то время многіе народныя элементы, что объясняется непрерывавшейся литературной традиціей. Литература конца XVIII и н. XIX в. была связана съ предшествовавшей виршевой литературой, часто включавшей въ себя чисто народную струю и распространявшейся въ значительномъ количествѣ сборниковъ. Въ эти сборники попадали нерѣдко подлинныя малороссійскія пѣсни; говорить о роли этихъ сборниковъ въ дѣлѣ развитія изящной литературы тѣмъ болѣе возможно, что въ провинціальной жизни, а такой была малороссійская, пережитки сохраняются гораздо дольше. Энеида Котляревскаго ставится въ связь съ подобнаго рода виршами. Къ двадцатымъ годамъ—ко времени, болѣе или менѣе, сознательнаго чтенія и мышленія Гоголя—слава Котляревскаго очень велика; малороссійская литература даетъ также рядъ другихъ именъ. Такъ пишетъ Гулакь-Артемевскій, появляется на горизонтѣ Квитка—Основьяненко ¹⁾, вводящій не мало этнографическаго элемента. На русскомъ языкѣ выходитъ въ свѣтъ Бурсакъ Нарѣжнаго, писателя, не оцѣненнаго по достоинству своими современниками, и рядъ другихъ его произведеній, касающихся малороссійской жизни; пишетъ также свои повѣсти Погорѣльскій ²⁾. Изъ второстепенныхъ писателей назовемъ двухъ лицъ, близко стоявшихъ къ Гоголю—его отца Василия Ав. Гоголя, автора комедій изъ малороссійской жизни и одного изъ его учителей—И. Г. Кулжинскаго ³⁾, автора „Малороссійской Деревни“ (1827) и „Федюшки Мотовильскаго“ (1833).

¹⁾ Объ немъ см. Н. П. Петрова. Очерки исторіи украинской литер. XIX ст. стр. 87.

²⁾ А. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи русской литературы. Стр. 76.

³⁾ Проф. М. Н. Сперанскій. Одинъ изъ учителей Гоголя (И. Г. Кулжинскій). Извѣстия 1906 г.

Такимъ образомъ создается уже не маленькая литература, не рѣдко на самомъ малороссійскомъ языкѣ, по содержанію связанная съ народной малороссійской жизнью. И эта литература несетъ призывъ къ изученію своего народа и пробуждаетъ національное самосознаніе. Къ 20-мъ годамъ мы имѣемъ уже первые проблески зарождающейся малорусской этнографіи: въ 1819 г. выходитъ въ свѣтъ первый преслѣдующій болѣе или менѣе научныя цѣли сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ князя Цертелева ¹⁾, а черезъ 8 лѣтъ уже болѣе обстоятельный и умѣло составленный сборникъ Максимовича (1827), въ промежутокъ между ними вышеупомянутая „Малор. Деревня“ Кулжинскаго, содержащая въ себѣ наряду съ другимъ этнографическимъ матеріаломъ рядъ малорусскихъ пѣсенъ. Наблюдаются также другіе признаки возбужденія общества къ этнографическому изученію Малороссіи— въ Харьковѣ сначала (въ 1816—19 г.) выходитъ „Украинскій Вѣстникъ“, а позднѣе съ 1824 года „Украинскій Журналъ“ ²⁾ подъ редакціей Склабовскаго, въ значительной степени преслѣдующій чисто этнографическія цѣли. Въ Великороссіи и Малороссіи развиваетъ свою энергичную дѣятельность этнографъ-археологъ, много пострадавшій на своемъ вѣку, Доленга-Ходаковскій ³⁾.

Эти первые дѣятели малорусской этнографіи, естественно, вначалѣ изъ національныхъ чувствованій и идей, въ значительной степени проявляютъ романтическое воодушевленіе, столь свойственное этому времени, но наряду съ этимъ удивительно трезво судятъ о цѣляхъ и источникахъ этнографіи. Главное вниманіе обращается на обрядъ и особенно пѣню, которую сначала опредѣляютъ съ эстетической стороны, но тутъ же ставятъ еѣ въ связь съ исторіей своего народа и вообще его жизнью, отраженіемъ которой она является. У всѣхъ этихъ этнографовъ проводятся параллели между малор. и великор. пѣней, соотвѣтственно съ исторіей и характеромъ этихъ народовъ. О важности и необходимости этнографическихъ изученій долго распространяться не пришлось— въ этомъ дѣлѣ помогали, видимо, непосредственное малорусское самосознаніе и малорусская живая литература, а также боль-

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Т. 3 стр. 12.

²⁾ М. Н. Сперанскій у. с. стр. 10—11.

³⁾ Пыпинъ у. с. стр. 38—87.

шая близость въ укладѣ жизни между разными классами малор. населенія, чѣмъ это было на сѣверѣ Россіи. Въ слѣдующій періодъ малор. этнографіи—съ 30 годовъ, она попадаетъ въ вполне надежныя руки. Теперь дѣятельными этнографами являются настоящіе ученые—Максимовичъ, выпускающій въ 1834 году второй сборникъ пѣсенъ, Срезневскій, издающій Запорожскую Старину (1833—1838), Бодянский, пишущій цѣлый рядъ статей по малор. этнографіи и въ частности о народной поэзіи („О народной поэзіи славянскихъ племенъ“). Съ рядомъ этихъ ученыхъ, малорусская этнографія вступила на вполне должный научный путь. Характерно отмѣтить, что все эти малор. этнографы были одновременно и славистами, и вообще зарожденіе и развитіе малорусской этнографіи стоятъ въ связи съ славянскими и панславянскими интересами того времени ¹⁾. Этотъ послѣдній фактъ объясняетъ, почему въ каждомъ почти разсужденіи о малорусской народной поэзіи и обрядѣ дѣло всегда касается славянства, и малорус. этнографическія работы выводятся всегда на фонѣ обще-славянской старины.

Воспитавшись на этнографической литературѣ 20-хъ годовъ, Гоголь выступаетъ на литературное поприще, а въ дальнѣйшемъ—въ 30-е годы—идетъ рука объ руку съ только что названной группой этнографовъ ученыхъ, поддерживая со всеми ими оживленныя дружескія сношенія. Весьма понятно, что у него должно быть много точекъ соприкосновенія съ ихъ взглядами и слѣдовъ ихъ вліянія. Т. о. въ своемъ народничествѣ, въ дѣлѣ этнографіи Гоголь вполне примыкалъ къ своимъ современникамъ землякамъ какъ къ художественно-литературному движенію, такъ и къ научно-этнографическому.

Иначе дѣло обстояло въ Великороссіи. Если народническія идеи и мотивы мы наблюдаемъ уже въ XVIII вѣкѣ—со временъ Екатерины, то эти мотивы слишкомъ растворяются въ искусственной формѣ художественной литературы и теряютъ всю свою оригинальность. Таковы обработки народныхъ мотивовъ въ творествѣ ложноклассиковъ—Державина, Екатерины II-й, Сумарокова, Хераскова и др., таковы размягченныя до приторности въ сенти-

¹⁾ Пыпинъ. З. стр. 91—92.

ментальной поэзіи Карамзина и его подражателей¹⁾. Къ этому послѣднему примыкаетъ то возбужденное патріотическое направленіе, которое, исходя изъ исторіи Карамзина, проявляетъ себя въ такихъ тенденціозно хвалебныхъ романахъ, какъ Юрій Милославскій, Рославлевъ, Аскольдова Могила — Загоскина, романы Лажечникова и Булгарина. Въ 20-е годы идутъ въ литературѣ теоретическіе споры романтиковъ и ложноклассиковъ. Однимъ изъ самыхъ живыхъ и настоятельныхъ требованій романтизма выдвигается принципъ народности, мѣстнаго колорита и т. п. Само понятіе народности, о которомъ горячо спорять, однако очень неясно и расплывчато—поэтому потребовалось много времени и труда, чтобы романтическая народность уступила свое мѣсто трезвому и реалистичному ея пониманію. Нечего говорить о такихъ писателяхъ, какъ Полевой, Марлинскій; даже Жуковскій, несмотря на весь свой талантъ, не вложилъ въ свою поэзію подлинной народности—его поэзія, даже на народно-поэтич. сюжеты, оставалась чисто нѣмецкой полу-романтической, полу-сентиментальной²⁾. Самъ Пушкинъ только благодаря своему исключительному дарованію и присущему ему художественному инстинкту побѣдоносно вывелъ русс. литературу на должный ей путь—реалистической—народной, въ широкомъ смыслѣ слова, поэзіи, которая весь XIX вѣкъ служила священной миссіи народничества. Но и онъ въ началѣ своей дѣятельности не избѣжалъ псевдо-народнаго вліянія, напр., написавъ звучную въ стихахъ, но ложную по содержанію поэмѣ „Русланъ и Людмила“³⁾. Къ этой ходульности, на которую, волей судебъ, стала „народность“ въ художественной литературѣ, надо прибавить ту официальную народность, которая использовала животворящій и многообѣщавшій принципъ въ цѣляхъ реак-

¹⁾ Замогилъ. Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX ст. въ русс. лит. Варшава. 1903. Глава I Литературная почва романтизма 20-хъ годовъ. Также Богумиль, Начальный періодъ народничества въ русс. худ. лит. Кіев. Ун. Изд. Кіев. 1908.

²⁾ А. Н. Веселовскій въ своей книгѣ „В. А. Жуковскій Поэзія чувства и сердечнаго воображенія“ СПб. 1904, посвятилъ XV главу спеціально вопросу объ „народности и народной старинѣ въ поэзіи Жуковскаго“. „Во всехъ этихъ отношеніяхъ, говоритъ В—ій, Жуковскій остался въ преддверіи романтизма“. (Стр. 507).

³⁾ Краткій очеркъ постепеннаго роста настоящаго пониманія народности у Пушкина данъ въ статьѣ проф. В. О. Миллера „Пушкинъ какъ поэтъ этнографъ“ М. 1899.

ціонно-охранительныхъ. Офіціальная народность была провозглашена гр. Уваровымъ въ 1833 году и имѣла значительное вліяніе на развитіе соотвѣтствующей литературы въ духѣ самодержавія, православія и народности, равнявшейся, съ ихъ точки зрѣнія, крѣпостному праву.

Таково же положеніе и этнографіи. Этнографія въ Россіи въ первое время идетъ значительно большимъ окольнымъ путемъ, чѣмъ это было въ Малороссіи. Къ чисто научному пониманію своей задачи наши этнографы пришли послѣ цѣлаго ряда условныхъ и тенденціозныхъ направленій. Начатки этнографическаго изученія находимъ мы еще въ XVIII в., въ вѣкѣ, когда ложноклассицизмъ презрительно смотрѣлъ на подлую народную словесность. Но тѣмъ не менѣе даже у самихъ ложноклассиковъ не разъ заходила рѣчь съ этой поэзіи, гл. о., въ теоретическихъ разсужденіяхъ по стихосложенію, какъ у Ломоносова, такъ и у Тредьяковскаго ¹⁾. Но наряду съ ложноклассицизмомъ появляются кое какія другія вѣянія, между прочимъ, народническое, хотя опять таки искусственное. Въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка выходятъ труды Чулкова ²⁾. Собраніе разныхъ пѣсень (1770—1774), Русскія сказки (1780—1783) и „Абевега русскихъ суевѣрій“ (1786), въ которыхъ наряду съ поддѣланными подъ тонъ современныхъ западныхъ рыцарскихъ романовъ—русскими сказками и былинами гл. о. богатырскаго характера, попадаются нерѣдко настоящія подлинныя народныя произведенія. Издаются также сборники пѣсень и сказокъ другихъ лицъ, какъ М. Попова, Друковцова и др. съ тѣми же прикрашиваніями и измѣненіями. Наибольше удачнымъ и цѣннымъ является собраніе русскихъ народныхъ пѣсень съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Ив. Прачемъ, гдѣ издатель старается сохранить неприкосновенной подлинность народнаго творчества. Начало XIX вѣка ознаменовывается изданіемъ въ 1800 году Слова о Полку Игоревѣ, черезъ 4 года былъ изданъ, хотя, надо сказать, весьма плохо, сборникъ пѣсень Кирши Данилова. Онъ былъ переизданъ въ 1818 г. Калайдовичемъ въ своихъ разсужденіяхъ допустившимъ немало странностей. Эти два памятника быстро двинули русскую историческую и этнографическую мысль,

¹⁾ Пыпинъ, у. с. т. I. Стр. 64.

²⁾ Ibid. 65—69.

вызвавъ цѣлый рядъ изслѣдованій, не прекращающихся и до нашихъ дней. Но все же настоящей этнографической науки не создано. Лишь съ начала 30-хъ годовъ на сцену выступаютъ Сахаровъ и Снегиревъ. Но ихъ дѣятельность, равно какъ въ сороковыхъ годахъ, (я говорю объ этнографическихъ трудахъ Надеждина ¹⁾), по времени и настроенію связана съ официальной народностью, что несомнѣнно кладетъ свою печать на ихъ работы. Но, какъ бы то ни было, въ лицѣ Сахарова и Снегирева мы имѣемъ первыхъ нашихъ этнографовъ, поставившихъ себѣ вполне опредѣленные цѣли. Если въ ихъ трудахъ мы находимъ много заблужденій, много тенденціозности, подчасъ наивности, то съ другой стороны Сказанія Русскаго Народа и Пѣсни Сахарова, а также Пословицы и Простонародные праздники Снегирева дали массу цѣннаго, ранѣе неизвѣстнаго матеріала, уже однимъ своимъ богатствомъ поразившаго современниковъ. Критическаго отношенія къ собранному матеріалу у послѣднихъ еще не могло быть и они не замѣчали ни диллетантизма въ разсужденіяхъ, ни даже прямыхъ поддѣлокъ (какъ у Сахарова) въ самыхъ текстахъ. Позднѣе немного, въ 40-хъ годахъ, выходитъ въ свѣтъ „Быть Русскаго Народа“ Терещенки; въ области живого народнаго языка собираетъ матеріалы Даль, словарь котораго вышелъ лишь въ 60-хъ годахъ. Настоящая русская этнографія начинается лишь съ 50—60 годовъ, когда работниками на ея нивѣ выступаютъ европейски образованные ученые—Аванасевъ, О. Миллеръ, Буславъ и А. Веселовскій—съ дѣятельности которыхъ уже можно начать исторію нашей этнографической науки.

Т. о. во времена Гоголя въ 30-е и 40-е годы мы видимъ лишь зарожденіе этнографіи, собраніе матеріаловъ и отсутствіе еще чисто научной мысли. Но если этнографія русская имѣла еще немного печатныхъ трудовъ, то во всякомъ случаѣ интересъ къ ней, жажда познаній изъ ея области были очень сильны—особенно въ Московскомъ кружкѣ—какъ разъ тамъ, гдѣ пришлось вращаться Гоголю и числившему въ своемъ составѣ Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Погодина, Шевырева и др., равно какъ и въ средѣ такихъ писателей—друзей Гоголя, какъ Пушкинъ и Жуковскій, одинаково сильно интересовавшихся народностью и дѣлавшихъ

¹⁾ Ibid. Стр. 265 и слѣд.

попытки самостоятельнаго ея изученія и воспроизведенія¹⁾. Но все же главное вліяніе на Гоголя имѣла своя малорусская этнографія, какъ мы видѣли, опередившая свою сѣверную подругу и быстрѣе нашедшая подъ собою твердую почву. Подъ ея то вліяніемъ Гоголь выступилъ на литературное поприще.

II.

Дѣтскіе и ученическіе годы.

Дѣтство свое Гоголь провелъ въ такой обстановкѣ, которая болѣе всего могла способствовать развитію любви къ родной малороссійской гѣсенъ и быту. Гоголи, помѣщики небогатые, жившіе спокойной, скромной жизнью въ своей Васильевкѣ, постоянно соприкасались съ народомъ. Едва ли могъ Гоголь жить въ совершенномъ отдаленіи отъ простаго народа—ему уже съ дѣтства открывалась его жизнь и его поэзія. Въ позднѣйшихъ своихъ писемъ, какъ мы увидимъ ниже, онъ воспоминаеть объ отдѣльныхъ случаяхъ народной жизни, свидѣтелями которыхъ онъ былъ. Такъ онъ посѣщаль народныя свадьбы, наблюдалъ за старинной одеждой крестьянъ.

Въ самой своей семьѣ, въ кругу близкихъ родныхъ, Гоголь имѣлъ такихъ лицъ, которыя могли обращать вниманіе Гоголя и еще болѣе роднить его съ малор. поэзіей. Отецъ Гоголя Василій Леонасьевичъ писалъ пьески изъ малор. жизни, въ домѣ жила тетка Гоголя Ходаревская, которая отличалась удивительнымъ знаніемъ малор. гѣсенъ. Но главное значеніе имѣли родственныя, постоянно поддерживавшіяся, связи съ тогдашнимъ малороссійскимъ магнатомъ Трощинскимъ, бывшимъ меценатомъ и покровителемъ всего того, что касалось Малороссіи, ея исторіи и поэзіи. Этому Трощинскому, человѣку весьма просвѣщенному, посвящены были главные труды по этнографіи. Якубовичъ посвятилъ ему свое изданіе Кирши Данилова (1804), Цертелевъ первый малорусскій сборникъ гѣсенъ²⁾. Въ Кибенцахъ, имѣніи Трощинскаго³⁾,

1) См. указанныя сочиненія Ак. А. Н. Веселовскаго и Проф. В. О. Миллера, а также Пыпинъ. Ист. Эт. т. I, стр. 221.

2) М. П. Сперанскій. Кулѣвскій. Стр. 20.

3) Шенрокъ. Біогр. мат. I. Стр. 47—48.

имѣлась богатая бібліотека, собранія картинъ и древностей. Изъ этой сокровищницы родители Гоголя пользовались книгами, пользовался и самъ Гоголь¹⁾. Время болѣе или менѣе сознательнаго чтенія падаетъ на эти ученическіе годы Гоголя. Чтеніе играло большую роль для его развитія, гораздо большую, чѣмъ само ученіе²⁾. Книгъ, находившихся въ гимназій, видимо, не хватало для любознательнаго ума Гоголя, поэтому, судя по письмамъ, онъ постоянно обращается за ними въ Кибенцы³⁾. Лѣтомъ, пріѣзжая домой, Гоголь ѣздилъ въ Кибенцы, гдѣ, естественно, пользовался бібліотекѣй. По имѣющемуся у насъ каталогу этой бібліотеки⁴⁾ мы можемъ судить о тѣхъ богатствахъ, которыя она заключала, и въ частности о книгахъ, касавшихся Малороссіи. Въ бібліотекѣ, видимо, было все, что послѣдней касалось: географическія, историческія, этнографическія сочиненія, путешествія и литературныя произведенія всѣхъ малор. писателей, также лѣтописи, рукописи и пр. Здѣсь-то Н. В. могъ находить богатый источникъ къ познанію своего края.

Въ Гимназій Высшихъ Наукъ находились также лица, интересовавшіяся мѣстной этнографіей. Такъ, къ числу учителей Гоголя принадлежалъ вышеупомянутой Кулжинскій, авторъ Малороссійской Деревни, произведенія досмѣшного сентиментальнаго характера, однако имѣющаго по тому времени не малую цѣнность, благодаря внесенію живого этнографическаго элемента. Если Гоголь смѣялся надъ этимъ произведеніемъ и пародировалъ его⁵⁾, называлъ его литературнымъ уродомъ, то съ другой стороны онъ же читалъ ее съ серьезною цѣлью—именно въ цѣляхъ этнографіи и дѣлалъ изъ нея выписки въ записной „Книгѣ Всякой Всячины или сподручной Энциклопедіи“. Эта книга имѣетъ большое значеніе для опредѣленія этнографическихъ интересовъ Гоголя для конца учебнаго періода (книга заведена въ 1826 г.).

Но такъ какъ имъ она продолжалась нѣсколько лѣтъ позже, а по

¹⁾ Ibid. Стр. 46.

²⁾ М. П. Сперанскій Гимназія высшихъ наукъ и пѣжинскій періодъ жизни Н. В. Гоголя. Стр. 75. („Памяти Гоголя“. Подъ ред. Посадскаго. Кіевъ. 1902).

³⁾ Ср. письма (ред. Шенрока). Т. I, стр. 12, 13, 17, 19, 21, 25 и др.

⁴⁾ Каталогъ антикв. бібліотеки книгопродавца Е. И. Федорова, пріобрѣтенной послѣ бывшаго министра Д. П. Троицкаго. Кіевъ 1874.

⁵⁾ Письма I, стр. 65.

нашему миѣнію, въ большинствѣ своего содержанія относится къ періоду созданія Вечеровъ на Хуторѣ, то о ней мы будемъ говорить подробнѣе немного дальше.

Во всякомъ случаѣ, въ этотъ начальный періодъ своей жизни, передъ выходомъ на самостоятельный путь, Гоголь приобрѣлъ интересъ къ этнографіи, и немудрено: какъ мы видѣли, вся обстановка и рядъ вліяній могли лишь этому способствовать.

Ему иногда приходилось высказываться по этому поводу. Въ высшей степени интересны воспоминанія Стороженка изъ послѣднихъ студенческихъ лѣтъ Гоголя. Эти воспоминанія показываютъ намъ, какъ рано созрѣвалъ въ немъ талантъ мѣткого наблюдателя. Гоголь, по словамъ Стороженка, очень хорошо угадывалъ характеръ посторонняго ему чловѣка и въ частности крестьянъ, осваивался быстро съ нимъ и производилъ своего рода опыты. На удивленіе, выражаемое Гоголю товарищемъ, какъ онъ хорошо изучилъ характеръ поселянъ, Гоголь воскликнулъ: „Ахъ! если бы это было въ самомъ дѣлѣ такъ: тогда всю жизнь свою я посвятилъ бы любезной своей родинѣ, описывая ея природу, юморъ ея жителей, съ обычаями, повѣртіями, изустными преданіями и легендами. Согласитесь: источникъ обильный, неисчерпаемый, рудникъ богатый и еще непочатый“. Мы уже видѣли раньше, что Гоголь составляетъ себѣ книгу Всякой Всячины, въ которую вноситъ этнографическіе матеріалы. Въ приведенныхъ словахъ, если имъ вообще вѣрить, есть ясное указаніе на то, что въ эти годы интересъ къ народной жизни и словесности былъ довольно глубокъ, было также намѣреніе заняться ихъ изученіемъ—раскопать этотъ богатый и непочатый рудникъ...

Но вотъ онъ кончаетъ Гимназію Высшихъ Наукъ, стремится въ Петербургъ, занять мечтою о службѣ, какъ будто бы оставляетъ пока мысль объ изученіи и воспроизведеніи народной жизни, хотя увозитъ съ собою свою подручную энциклопедію.

III.

Собираніе этнографическихъ матеріаловъ для „Вечеровъ“.

Однако эта мысль скоро приходитъ ему въ голову, быстро овладѣваетъ имъ и доставляетъ Гоголю первую литературную славу. Въ 1829 г. онъ серьезно задумываетъ повѣсти изъ народнаго быта,

которымъ подъ конецъ дается названіе Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки. Воспроизвести художественно природу и жизнь малороссовъ съ ихъ преданіями, повѣртіями и легендами—вотъ цѣль, которую, видимо, поставилъ себѣ Гоголь. Въ этой задачѣ, какъ она ставится и какъ исполняется—слышны романтическія идеи. „Вечера“ связаны съ нѣкоторыми произведеніями западноевропейскаго романтизма не только по нѣкоторымъ общимъ взглядамъ, но и по болѣе близкой зависимости ¹⁾ Но, съ другой стороны, всѣми доказано, что въ основныхъ сюжетахъ, въ бытовыхъ подробностяхъ Гоголь обнаружилъ большое знаніе помѣстной этнографіи ²⁾. Для написанія своихъ повѣстей Гоголю было мало своихъ прежнихъ наблюденій, поэтому онъ въ многочисленныхъ письмахъ на родину просить доставить ему нужное. Прослѣдимъ эти просьбы, т. к. по нимъ станетъ ясно, чѣмъ особенно интересовался Гоголь въ народной жизни, каковы его программы для собиранія этнографическаго матеріала, однимъ словомъ, выяснится кругъ его этнографическихъ интересовъ.

Первое пока извѣстное письмо къ матери, въ которомъ затрагивается вопросъ о собираніи этнограф. данныхъ, относится къ 30 апр. 1829 г. „Теперь вы, почтенивѣйшая маменька, пишеть онъ, мой добрый ангель хранитель, теперь васъ прошу, въ свою очередь, сдѣлать для меня *величайшее* изъ одолженій. Вы имѣете *тонкій, наблюдательный умъ*, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и поэтому, я знаю, вы не откажетесь сообщить мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. *Это мнѣ очень нужно. Въ слѣдующемъ* письмѣ я ожидаю отъ Васъ описанія полного наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся крестьянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвицами, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ“. Далѣе просить при-

¹⁾ См. работы Н. Котляревскаго. Н. В. Гоголь; Чудакова. Отношеніе творчества Гоголя къ Зап. Евр. Лит. (Кіев. Ун. Изв. 1908 г.); Тихонравова примѣчанія къ Вечерамъ; Замотина. Три романт. мотива въ творч. Гоголя. 1902.

²⁾ Ср. статьи Петрова (Въ Кіев. сборн. въ честь Гоголя. 1902) и Чудакова въ Кіев. Ун. Изв. 1906.